

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 153–161.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 153–161.

Публикация / Publication

УДК 740

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-153-161

ФРАНК С. Л. ФИЛОСОФИЯ ТОСКИ И ОТЧУЖДЕННОСТИ (После прочтения книги Хайдеггера “Sein und Zeit”)

Тереза Оболевич

Папский университет Иоанна Павла II, Краков, Польша
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, tereza.obolevich@upjp2.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-6834-6142>

Томас Содейка

Институт философии Вильнюсского университета,
Вильнюс, Литва,
tomas.sodeika@fsf.vu.lt

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Франк С. Л. Философия тоски и отчужденности (После прочтения книги Хайдеггера “Sein und Zeit”) / публ. Т. Оболевич, пер. с литовского Т. Содейки // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 153–161. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-1-153-161>.

Материал публикуется в качестве приложения к статье Оболевич Т. С. Л. Франк: литовский след // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 135–152. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-1-135-152>. Перевод сделан по изданию: Frankas S. Pgesio ir atskirbės filosofija. Paskaičius Heideggerio knyga “Sein und Zeit” // Vairas. 1931. № 3. S. 384–386.

© Оболевич Т., публикация, 2022

© Содейка Т., перевод на русский язык, 2022

Archival Materials. Unpublished Papers

FRANK S. L.

THE PHILOSOPHY OF LONGING AND ALIENATION

(After reading the Heidegger's book "Sein und Zeit")

Teresa Obolevitch

Pontifical University of John Paul II, Kraków, Poland
National Research University "Higher School of Economics" (HSE University),
Moscow, Russia, tereza.obolevich@upjp2.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-6834-6142>

Tomas Sodeika

Vilnius University, Vilnius, Lithuania,
tomas.sodeika@fsf.vu.lt

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University).

For citation: Frank S.L. (2022) 'The Philosophy of Longing and Alienation (After reading the Heidegger's book "Sein und Zeit")'. Publ. by T. Obolevitch, transl. from the Lithuanian by T. Sodeika, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(1), pp. 153–161. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-153-161.

Как известно, книга Хайдеггера "Sein und Zeit" имела большой успех в Германии и во всей Европе и снискала автору славу ведущего немецкого философа наших времен. Пытаясь понять, в чем кроется причина такого небывалого успеха, недостаточно сослаться лишь на безусловный талант и глубину автора. Даже более значительные философы редко так скоро признавались и почитались. Кроме того, хотя мысли автора отличаются несомненной остротой, чисто теоретически в книге Хайдеггера немало формальных недостатков: она не дает завершенной и исчерпывающей системы. Хотя его книга является лишь некоторым очерком системного построения (в этом отношении ничего существенного не может дать и второй обещанный том, поскольку, судя по предлагаемому автором плану, его содержание будет лишь историко-философским). Совершенно ясно, что книга Хайдеггера заинтересо-

вала и привлекла к себе мыслящего читателя не как чисто философская теория, а как необыкновенно сильное, яркое и прочувствованное исповедание своеобразного жизнепонимания или жизнечувствования (того, что немцы называют *Lebensgefühl*). Сравнив в этом отношении Хайдеггера с другими, даже самыми выдающимися современными немецкими философами, мы будем вынуждены пальму первенства отдать ему. К примеру, Шелер располагал огромным богатством интуитивных идей, однако он был слишком великолепным писателем, а его взгляды были слишком неустойчивы, чтобы могли оставить впечатление серьезного духа и искреннего проповедника какой-то новой веры. В сочинениях Николая Гартмана, наоборот, за весьма значительными теоретическими системными исследованиями кроется, по сути, совершенно бедное и наивное духовное содержание. В сочинении Хайдеггера сквозь неизящную и тяжеловесную абстрактную конструкцию читатель сразу чувствует некоторое напряженное, выстраданное глубоко пережитое духовное содержание, своей силой как-то непреодолимо воздействующее даже на того, кто с этим содержанием не согласен. Кроме того, это, по сути, глубоко трагическое чувство жизни как-то понравилось нашей беспокойной эпохе духовного бессилия.

Оригинальным является уже то, что содержание философии Хайдеггера совершенно отличается от того, что обычно причисляется к философии. Обычно философия как метафизика (здесь нет необходимости более подробно доказывать, что и гносеология Канта, по сути, всегда была некоторого рода «идеальной метафизикой») занимается поиском «сущности вещей», первоначала бытия, первичного субстрата или первичной субстанции, — одним словом, чего-то весьма отдаленного от конкретного содержания непосредственно практической жизни человека. Или, пользуясь терминами Аристотеля, философия стремилась перейти от того, что является *первым для нас*, к тому, что является первым по сути и что в психологическом порядке является «для нас последним», бесконечно далеким и чуждым для нашего привычного опыта. Были ли это «атомы» или «монады», или «абсолютный дух», или «чистая мысль», или что-либо другое — всё равно философия всегда уводила человека от обыденной прозы жизни, от обыденных тревог и забот в какую-то далекую, чуждую, как бы эфирную атмосферу чистой мысли. Для Хайдеггера же, наоборот, в качестве *абсолюта*, первичного предмета философии выступает настоящая, для нас наиболее близкая конкретная человеческая жизнь. Для него философия превращается в осознанность человеческой жизни. Весь мир, природа, всё, что выражается при помощи категорий теоретического познания вещей и якобы обладает самостоятельной значимостью, для Хайдеггера выступает лишь в качестве фона, лишь частным моментом в составе человеческой жизни. «Мир» является лишь эле-

RECENZIJOS

Filosofija.

Ilgesio ir atskirybės filosofija.

(Paskaičius Heideggerio knygą „Sein und Zeit“).

Kaip žinoma, Heideggerio knyga „Sein und Zeit“ turėjo Vokietijoje ir visoje Europoje didelio pasisekimo, ir autoriui greit suteikė mūsų laikų pirmojo vokiečių filosofo garbę. Bandant išsiaiškinti, kur to nepaprastojo pasisekimo priežastis, neužteks vieno nurodymo į neginčijamą autoriaus talentingumą ir gilumą. Ir daug žymesni filosofai retai tebūdavo taip greit pripažintami ir imami garbinti. Be to, grynai teoretiškai Heideggerio knyga, nors autoriaus mintys tikrai aštrios, turi formalinių trūkumų: ji neduoda pabaigtos ir išsamios sistemos. Nors jo knyga tėra tam tikras sistemingo statinio škiecas (šiuo atžvilgiu, nieko esmingo negali duoti nė antrasis pažadėtas tomas, kadangi, sprendžiant iš autoriaus duotojo plano, jo turinys bus tik istorinis filosofinis). Visai aišku, kad Heideggerio knyga sudomino ir patraukė galvojančią skaitytoją ne kaip grynai filosofinę teoriją, bet kaip nepaprastai stipri, ryški ir pajaūsta savotiško gyvenimo supratimo arba gyvenimo jausmo (to, ką vokiečiai vadina Lebensgefühl) išpažintis. Palyginę šiuo atžvilgiu Heideggerį su kitais, net ir pačiais žymiaisiais dabarties vokiečių filosofais, turėsime atiduoti jam pirmenybės palmę. Pavyzdžiui, Šeleris turėjo didžiulį intuicinių idėjų lobį, bet jis buvo per daug puikus rašytojas, ir jo pažiūros buvo per daug netvirtos, kad galėtų sudaryti rimtos dvasios ir nuoširdaus kažkokios naujos tikybos skelbėjo įspūdį. Mykolo Hartmano raštuose, priešingai, už labai žymių teoretinių

sistemingų tyrimų eina, iš esmės, itin neturtingas ir naivus dvasios turinys. Heideggerio kūrinys, pro nekraščią ir sunkią atitrauktinę konstrukciją, skaitytojas iš karto jaučia kažkokį įtemptą, iškentėtą giliai gyvenimišką dvasios turinį, savo jėga kažkaip neatsispiriamai veikiantį net tą, kuris jam nepritaria. Be to, šis iš esmės giliai tragiškas gyvenimo jausmas kažkaip patiko mūsų neramiai bejėgės dvasios epochai.

Originalu jau tas, kad Heideggerio filosofijos turinys yra visai ne toks, koks filosofijai paprastai skiriamas. Paprastai filosofija, kaip metafizika (dabar nėra reikalo smulkiau įrodinėti, kad ir Kanto gnoseologija iš esmės visuomet buvo tam tikros rūšies „idealinė metafizika“), ieško „daiktų esmės“, būties pirmojo prado, pirmykščio substrato arba pirmykščiosios substancijos, — žodžiu, kažko, labai tolimo nuo konkreitiškai praktiško tiesioginio žmogaus gyvenimo turinio. Arba, kalbant Aristotelio terminais, filosofija siekė pereiti nuo to, kas yra *mums pirmas*, prie to, kas yra *pirmas iš esmės* ir kas psichologinėje tvarkoje yra „mums paskutinis“, be galo tolimas ir svetimas mūsų paprastajam patyrimui. Ar tai buvo „atomai“, ar „možadai“, ar „absoliuti dvasia“, ar „grynoji mintis“, ar kas kita — vistiek filosofija visuomet nusivesdavo žmogų nuo kasdieninės gyvenimo prozos, nuo kasdieninių nerimų ir rūpesčių į kažkokią tolimą, svetimą, lyg eterinę grynosios minties atmosferą. Priešingai, Heideggeriui *absoliutu*, pirmykščiu filosofijos dalyku eina tikrasis, artimiausias mums; konkretus žmogaus gyvenimas. Jam filosofija virsta žmogaus gyvenimo są-

ментом или моментом конкретного человеческого «бытия в мире» (In-der-Welt-Sein). Нам доступна лишь одна форма бытия — Existenz, «пребывание», то, что представляет собой основу или субстрат жизни человека. Для Хайдеггера философия хотя и стремится строго отграничиться от любых религиозных или богословских предпосылок, *тематически* совпадает со сферой религиозных исканий, здесь речь идет не о теоретических истинах, а вроде бы о «спасении души» или по крайней мере о встревоженности ею, о заинтересованности ею и заботой о ней. И несмотря на негативные религиозные выводы, или, может быть, как раз из-за них, книга насквозь пропитана какой-то духовной тревогой, заботой о том, что является существенным для человека в его внутренней жизни.

Короче говоря, философия Хайдеггера является философией неверия, философией атеизма, совершенно правильно, ответственно и до конца осознавшего, куда он ведет. Это философское ощущение тоски, одиночества и печали человеческой души, которая почувствовала себя безнадежно отторгнутой и обреченной погибнуть в одиночестве. Лев Толстой, — который хотя и имел свою ad hoc придуманную религию, но всё же постоянно переживал чувство ужаса жизни, — когда-то произнес ужасные своим трагизмом слова: «Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть». Эти слова вполне могли бы подойти в качестве эпиграфа книги Хайдеггера. Возможно, Хайдеггер в первую очередь является первым последовательным и истинным *идеалистом* (хотя теоретически он далек от обычных идеалистических формулировок). До сих пор идеализм был продуктом кабинетного мышления; уже переходя из своего кабинета в обеденную комнату, к жене и детям, «идеалист» забывал свою теорию и превращался в обычного «реалиста». Хайдеггер же, напротив, предельно четко, серьезно и искренне чувствует, что весь мир существует лишь «для меня», что он дан мне в жизненном контексте, что как раз поэтому моя смерть для меня является концом всего, стало быть, человеческая личность обречена на абсолютную отчужденность и абсолютную гибель. Но у Хайдеггера мы обнаруживаем не только идеализм, но и *солипсизм* (и опять-таки не во внешней философской систематике, а по духовной сути): взаимоотношения между людьми никак не связаны с внутренней сущностью человеческой жизни: они лишь искажают ее, втискивая в призрачную и живую атмосферу общественного мнения (“Man”). Хайдеггеру незнакомо ни фаустовское чувство единения личности с природой, с целостностью мира, ни любовь как начало, углубляющее, обогащающее и спасающее человеческое бытие. Горестная забота, страх перед опасностью (Furcht), общее метафизическое чувство страха перед жизнью и смертью, чувство тоски и ужаса (Angst) — вот сущностное содержание человеческой жизни. Осознание неизбежности смерти как абсолютного упразднения человеческого существо-

monybe. Visas pasaulis, gamta, viskas, kas išreiškiama teoretinio daiktų pažinimo kategorijomis ir lyg turi savaimingos reikšmės, Heideggeriui eina tik fonu, tik dalies momentu žmogaus gyvenimo sudėty. „Pasaulis“ yra tik konkretaus žmogaus „buvimo pasauly“ (In-der-Welt-Sein) elementas arba momentas. Mums tiesiog prieinama tik viena būties lytis — Existenz, „buvimas“, tai, kas sudaro žmogaus gyvenimo pagrindą arba substratą. Heideggeriui filosofija, nors ir stengiasi griežtai atsiriboti nuo visokių religinių ir teologinių premisų, iš savo tėmos sutampa su religinio ieškojimo sfera. Čia kalbama ne apie teoretines tiesas, o lyg apie „sielos išgelbėjimą“ arba bent apie nerimą dėl jos, apie susidomėjimą ir rūpestį ja. Ir nepaisant knygos neigiamų religinių išvadų, arba gal būt, kaip tik dėl jų, ji visa yra prisiskūsi kažkokio *dvasios nerimo*, rūpesčio apie tai, kas reikalinga žmogui jo vidaus gyvenime.

Trumpai sakant, Heideggerio filosofija yra netikėjimo, ateizmo filosofija, visai teisingai, atsakingai ir ligi galo pajutusio, kur iš tiesų jis veda. Tai žmogaus sielos ilgesio, atskirybės ir nusiminimo filosofiškas pajautimas, pasijūtusios beviltiškai atskirtos ir pasmerkotos žūti atskirybėje. Kadaisė Levas Tolstojus, kuris, nors ir turėjo savo ad hoc sugalvotą religiją, visuomet pergyvendavo kaip tik tokį siaubingą gyvenimo jausmą, yra pasakęs bausius savo tragizmu žodžius: „Man pačiam vienam gyventi — vienam pačiam ir mirti“. Šie žodžiai galėtų eiti epigrafu Heideggerio knygai. Heideggeris, visų pirma, gal būt, pirmas visiškai nuoseklus ir teisingas idealistas (nors teoretiškai jis tolimas paprastiesiems idealizmo formulavimams). Idealizmas ligi šiol buvo kabinetinio galvavimo padaras; jau pereidamas iš kabineto į valgomąjį, pas žmoną ir vaikus, „idealistas“ užmiršdavo savo teoriją ir viršdavo paprastu „realistu“. Heideggeris, priešingai, ribotai aštriai, rimtai ir teisingai jaučią, kad visas pasaulis gyvuoją tik „man“, kad jis duotas *mano gyvenimo* kontekste, kad dėl to *mano mirtis* yra man visko galas, vadinasi, žmogaus asmenybės pasmerkta yra absoliučiai atskirybei ir absoliučiai pražūčiai. Bet pas Heideggerį tu-

rime nėra tik idealizmą, bet ir *solipsizmą* (ir vėl ne išorėje filosofiškoj sistematikoje, o iš dvasios esmės): žmonių sąvartnės santykiai neturi jokio sąryšio su žmogaus gyvenimo vidaus būtybe; jie tik sudarko ją, įstumdami į šmėklišką ir gyvą bendrosios nuomonės atmosferą („Man“). Heideggeris nežino nei Pausto jausmų asmenybės sutapimo su gamta, su pasaulio visuma, nei meilės, kaip prado, pagilinančio, praturtinančio ir išgelbėjančio žmogaus būtį. Kartus rūpestis, pavojaus baimė (Furcht), viso gyvenimo ir mirties bendras metafizinis baimės jausmas, ilgesio ir siaubo (Angst) jausmas — toks esmingas žmogaus gyvenimo turinys. Mirties, kaip absoliutaus žmogaus būvimo, vadinasi, ir bendrai būties, panaikinimo, neišvengiamumo supratimas yra vienintelis, tikrai atitinkas realybę. Vienintelė žmogaus pareiga, vienintelis sąžinės įsakymas, turis realės, o ne išgalvotai sąlyginės prasmės, yra reikalavimas vyriškai, atmerkto mis akimis eiti pasitikti mirties, suprasti jos neišvengiamumą ir nepasiduoti tariamosios būties pagundoms, bandančios užmerkti akis prieš beviltišką realybę. Kartoju: tai pabaigta atskirybės, ilgesio ir nusiminimo filosofija.

Tai radikaliausia pesimizmo forma iš ligšiol žinomų filosofijos literatūroje. Šopenhauerio pesimizmas, pirmiausia, vis dėlto žinojo *išeitį* valtos nuslopini-me, gryname stebėjime, budizmo *mirvanoj*; be to, šitas pesimizmas išreiškė bendrąją visos pasaulio būties tragediją, ir atskira asmenybė jame buvo tik bendros viso pasaulio nelaimės dalyvis; o, anot rusų priežodžio, „Мир и смерть красна“. Heideggerio pesimizmas absoliučiai be išeities ir, be to, išreiškia vienos, visų apleistos, užsidariusios pačioj savy žmogaus būtybės tragediją.

Tuo pačiu ši filosofija yra teisingas, drąsus išreiškimas viso atskirumo tragedijos, į kurią veda ateizmas. Sulyginkite naiyvą, džiaugsmingą visame jo kūdikiškame aklume vyraujančio dabar netikinčiojo žmogaus tipo ateizmą arba, pavyzdžiui, taip pat iš esmės naivų Mykolo Hartmano idealųjį ateizmą (jo „Etikoje“), kur, netikėjimas yra stačiai sąžiningo ir doroviškai išmintingo gyvenimo sąlyga ir sutampa su kažkokiu nesuprantamu atsidavimu do-

вания, а стало быть, упразднения и бытия вообще, является единственным действительно соответствующим реальности осознанием. Единственным долгом человека, единственным повелением совести, обладающим реальным, а не мнимым смыслом, является требование мужественно, с открытым взором идти на встречу смерти, осознать ее неизбежность и не поддаваться соблазнам мнимого бытия, пытающегося закрыть глаза перед безнадежной реальностью. Повторяю: это законченная философия отчужденности, тоски и печали.

Это наиболее радикальная форма пессимизма из всей до сих пор нам известной философской литературы. Пессимизм Шопенгауэра в первую очередь всё же знал выход в подавлении воли, в чистом созерцании, в буддистской нирване; кроме того, этот пессимизм выражал общую трагедию всего мира, и отдельная личность была лишь участником общей беды всего мира; а согласно русской поговорке, “[на] миру и смерть красна”. Пессимизм Хайдеггера совершенно безысходен и, кроме того, выражает трагедию одной, всеми покинутой, замкнутой в себе человеческой личности.

Тем самым эта философия является истинным, смелым выражением трагедии всей той отчужденности, к которой ведет атеизм. Сравните нынче преобладающий наивный, в своей ребяческой слепоте радующийся атеизм современного неверующего человека или, к примеру, равным образом наивный идеальный атеизм Николая Гартмана (в его «Этике»), в котором неверие является условием честной и нравственно мудрой жизни и совпадает с какой-то непонятной преданностью идеалам нравственности, — сравните, повторяю, эти типы атеизма с трагическим, безысходным, глубоко мучительным атеизмом Хайдеггера, и вы увидите, сколь ново и необычайно последовательно (с определенной оценивающей точки зрения) его мировоззрение.

Это откровенное признание безысходности ситуации, к которой ведет понимание, отбрасывающее или не замечающее онтологической укорененности человеческого духа в абсолютной реальности.

Основная установка рассуждений Хайдеггера — его «экзистенциализм», его вникание в реальность глубины человеческой жизни — выводит на истинный путь осознанности, истинной реальности, подчеркивания различия между истинной реальностью и внешней реальностью предметного мира. Однако как препятствие на этом пути возникает признание замкнутости внутреннего мира человеческого духа; и это препятствие является источником всего трагизма. Для Хайдеггера недоступно августиновское “*transcende te ipsum*”¹ — обнаружение в глубинах духа связи с абсолютным Бытием и выход к этому

¹ превзойди себя самого (лат.).

rovės idealams, — sulyginkit, sakau, tuos ateizmo tipus su tragišku, be išei- ties, giliai skaudžiu Heideggerio ateizmu, — ir pamatysit, kokia iš esmės nauja ir nepaprastai nuosekli (iš tam tikro pasiimto vertinimo požiūrio) yra Heideggerio pasauližvalga. Tai atviras pripažinimas neišeinamos padėties, į kurią atveda supratimas, atmetas ar nepastebjis žmogaus dvasios ontologinio iššaknijimo absoliučioje realybėje.

Pagrindinis Heideggerio samprata- vimų požiūris — jo „egzistencializmas“, jo įsigilinimas į žmogaus gyvavimo vidaus realybę — veda į są- monybės, *tikrosios* realybės teisingąjį kelią, pabrėžti skirtumui tarp jos (*tikrosios* realybės) ir daiktiškojo pasaulio išorės realybės. Bet šitą kelią perker- ta žmogaus dvasios vidaus *uždarumo* pripažinimas; ir šita kliūtis eina viso tragizmo šaltiniu. Heideggeriui nepriei- namas Augustino „transcende te ipsum“ — sąryšio su absoliučia Būtim ir išėjimo į ją atradimas dvasios vidaus gel- mės. „Egzistencializmas“ sustoja pu- siaukelėje į *ontologizmą*, nepajėgda- mas dvasios skvarbūmu pasiekti pasku- tinįjį. Neminint jos dvasinio žymumo, Heideggerio filosofija yra iš esmės tik *epizodas* iš dvasios *susimąstymo*, su- ėmusio dabar žmogaus mintį. Šitas epizodas, reikia manyti, greit praeis; tolimesnis įsigilinimas, turį čia atrasti išėjimą į tikrąją realybę. Bet šitas epizodas, kaip simptomas, labai esmin- gas; jis išreiškia krizę Europos min- ties dvasinėje ligoje, krizę, po kurios, kiek galima numatyti, ligą bus nugalėta.

S. Frankas.

Eranus. Commentationes Societatis Philosophicae Lithuaniae Vol. primum, 1930 m., Humanitarinių Mokslų Fakulteto raštai. Red. Iz. Tamošaitis.

Šis pirmtinis filosofijos dalykams skirtas metraštis turi dvigubai džiugin- ti visuomenę. Jis tikrai rodo, kad mū- sų jaunas Humanitarinių Mokslų Fa- kultetas sustiprėjęs, o antra, *Eranus* praveria mūsų inteligentams duris į tiesos ieškojimo kelius. Be abejo, gy- venam „vertybių perkainojimo ga- dynę“. Ir joį, anot prof. Iz. Tamo- šaičio (pratarmė): „senos, dar nese- niai garbintos ir į padanges keltos ver- tybės blanksta, miršta, o palaidotosios

— kelias iš numirusių... Gnoseolo- gija, metafizika, religijos filosofija, kitų filosofijos disciplinų neminint, šandie iš naujo atgimsta“. Taigi *Eranus*, šioj filosofijos atgijimo gady- nėj, kaip pratarmės autoriaus rašoma, žvelgs į praeitį ir spręs dabarties ir ateities problemas. Tokia deklaracija pateisinta, nes turinys su ja sutampa.

V. Šilkarskio straipsnis „Bayle ir Spinoza“, liečia labai įdomų klausimą. Tai du filosofai, kurie su didžiausia energija ieškojo Dievo. Šilkarskis apie Spinozą dar nieko neparašė, tur būt, tęsiny parašys, nes straipsnis nebaigtas. Jis parodo, kad Bayle, krikščiono Spinozą, Spinoza racionaliai įrodė Dievo būvimą ir suvedė į tą tiesą visą pasaulį; kitaip sakant, įrodė, kad visa, kas yra pasaulį, yra Dievo ypatumai. Bayle puola Spinozą, sakydamas, jog nesąmonė yra pripažinti šlykščiausias bei blogiausias žemės darbus Dievo ypatumais. Tai Bayle juokinga (*Eranus*, 78 psl.). Tuo būdu Bayle prieina, kad protavimu, filosofija, metafizika mes negalime Dievo suvokti. Protavi- mas turi savy logiško būtinumo, kuris gali operuoti klaida: gali nieko nebūti principuose, o protavimas bus teisin- gas. Dėl to, pav., jei Spinoza suprato Dievą, kaip visą pasaulį, tuo ne tiek Dievą įrodė, kiek Dievui primetė vi- sas blygybes. Tuo tarpu Dievas yra gėrio šaltinis. Vadinasi, klaida taip Dievą įrodinėti. Bayle konstatuoja, kad nesąmonė įrodyti protu Dievą. Dėl to Spinoza (*Eranus*; 77 psl.) Dievą 1) į gabalėlius suskaldo, 2) Dievą pada- ro taip pat nelaimingą, kaip žmones, ir 3) žmones daro tuo pat dievybėmis. Tuo Bayle nori pasakyti, kad yra vel- tui protu ieškoti Dievą, filosofija ne- gali atstoti teologijos. Tai trumpai, ką pasakė p. Šilkarskis. Vadinasi, problema Lietuvoj gana aktuali... Ta- čiau p. Šilkarskis ją liečia, pirmiausia, rusišku tradicionalizmu, kaip mokslą apie blogą ir gera, antra, kaip Dievybės ieškojimą, kas buvo rusų visų filosofų kardinalinis darbas, drauge tūpčiojimas vietoj, neoriginalumas, nes graikų filo- sofai jau apie gera ir blogą yra beveik viską pasakę. Tuo tarpu Bayle negali- ma charakterizuoti, kaip „gero ir blo- go“ ribų aiškintoją; jo mokslas ir filo- sofija yra glaudžiai susiję su jo gy- venimu. Jis gyveno 1647 — 1707 me-

Бытию. «Экзистенциализм» останавливается на полпути к *онтологизму*, ему недостает духовной пронизательности, чтобы достичь последнего. Несмотря на ее духовную значимость, философия Хайдеггера по сути является лишь отдельным эпизодом той озабоченности духа, которая охватила всю современную мысль. Этот эпизод, надо полагать, быстро пройдет; дальнейшее исследование должно здесь обнаружить выход к истинной действительности. Но как симптом этот эпизод является весьма существенным; он выражает кризис в развитии болезни европейской мысли, кризис, после которого, насколько возможно предвидеть, болезнь будет преодолена.

Информация об авторе: Т. Оболевич — профессор философии Папского университета Иоанна Павла II. Адрес: Польша, 31-002, г. Краков, ул. Канонича, д. 9; ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Информация об авторе: Т. Содейка — доктор философии, профессор Института философии Вильнюсского университета. Адрес: Литовская Республика, LT-01513, Вильнюс, ул. Университето, д. 9/1, комн. 104.

Information about the author: T. Obolevitch — Professor at the Pontifical University of John Paul II. Address: 9 Kanonicza Str., Kraków, 31-002, Poland; Leading research fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Information about the author: T. Sodeika — PhD in Philosophy, Professor at the Institute of Philosophy of the Vilnius University. Address: 104, 9/1 Universiteto Str., Vilnius, LT-01513, Republic of Lithuania.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.12.2021;
одобрена после рецензирования 11.02.2022;
принята к публикации 22.02.2022.

The article was submitted 23.12.2021;
approved after reviewing 11.02.2022;
accepted for publication 22.02.2022.